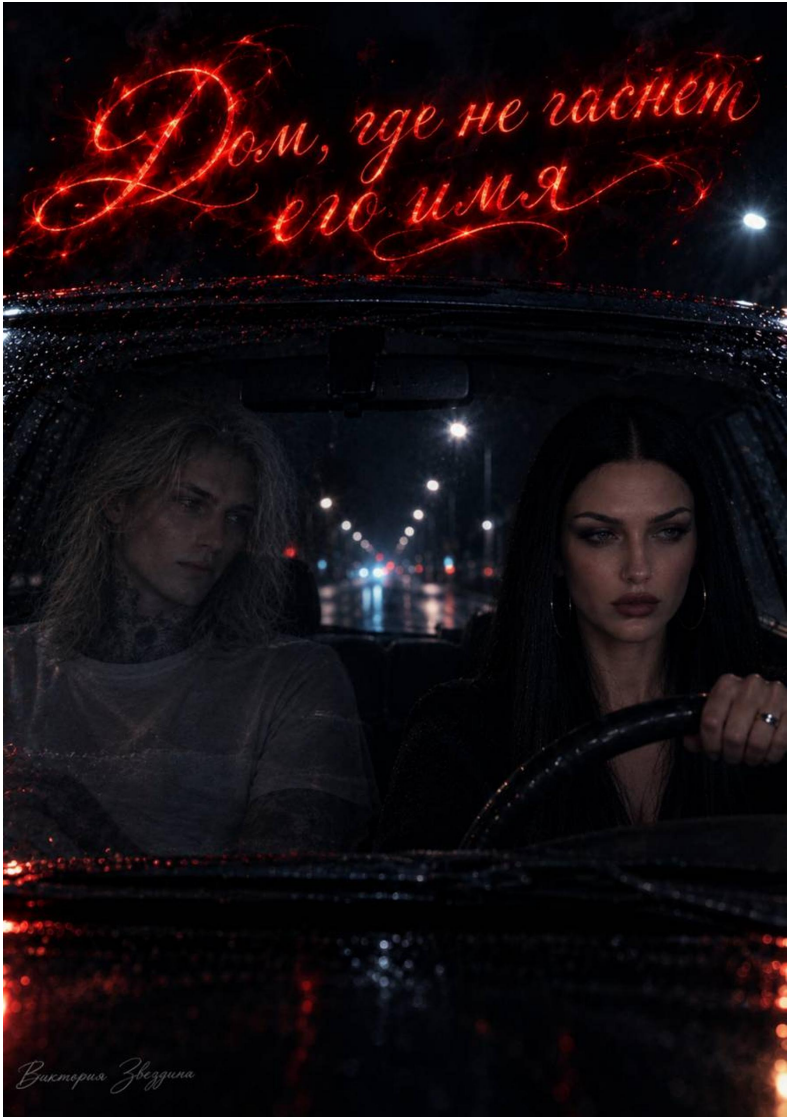
Дом, где не гаснет его имя



Виктория Звездина

Victoria Min

Дом, где не гаснет его имя

https://litres.ru/74704969
SelfPub; 2026

Аннотация

Мы дружили 8 лет, но в один день что-то пошло не так и я сама закрыла свое сердце... А он отдалился ещё больше.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 10
Глава 3 16

Victoria Min
Дом, где не гаснет его имя

Глава 1

Я наконец собрала вещи и вылетела из подъезда. Около него уже стояла машина Тети Маши.

- Ритуся, с днем рождения! Наконец-то, а то Артур меня сейчас порвал бы уже. – Тетя Маша была мне, как мама, она всегда была рядом с момента нашего знакомства с Артуром.

- Ну естественно. – Я слегка посмеялась и закинула вещи в багажник, затем залезла в машину.

- С днем рождения. – Кинул Артур, глядя в окно. Даже не посмотрел на меня, хотя сегодня день моего совершеннолетия.

- Спасибо, мистер доброжелательность.

На фоне тетя Маша включила музыку, и мы тронулись с места. Сегодня мы едем на пляж, отмечать праздник.

Артур какой-то неразговорчивый, странно, ведь обычно его сложно заткнуть.

- Ты чего такой кислый? – Я подалась вперёд между сиденьями. – Это у меня сегодня праздник. Тебе положено радоваться и носить мне подарки.

- Радуюсь. – Буркнул он. – Не видно, что ли?

- Вообще не видно.

- Рита, отстань от него. – Тётя Маша улыбнулась мне в зеркало заднего вида, но как-то слишком быстро отвела глаза. – Он с утра такой. Не выспался.

Не выспался. Артур, который может проспать до обеда и встать бодрым, как будто ему вкололи кофе прямо в вену. Ну да, конечно.

Я откинулась на спинку и стала смотреть в окно. Город тянулся серыми девятиэтажками, потом пошли заправки, придорожные кафе с выцветшими вывесками, поля. Тётя Маша подпевала радио, путала слова и смеялась сама над собой. Обычно Артур в такие моменты поворачивался ко мне и закатывал глаза, мол, ну ты слышишь, опять она. А я прыскала ему в лицо кулак, и мы потом полдороги не могли успокоиться.

Сегодня он даже не шевельнулся.

Мы знакомы восемь лет. Мне было десять, когда мы переехали в их двор, и Артур в первый же день кинул в меня шишкой, а потом сам же отвёл к своей маме заклеивать лоб пластырем. С тех пор тётя Маша кормила меня супом, когда мама задерживалась на работе. Учила печь блины. Сидела со мной в больнице, когда я сломала руку. А Артур… Артур просто всегда был. Как воздух. Его не замечаешь, пока он вдруг не исчезнет.

А сегодня мне казалось, что он исчезает прямо у меня на глазах, хотя сидит в полуметре.

Телефон у него в руке коротко вжикнул. Он слишком быстро перевернул его экраном вниз, но я смогла увидеть уведомление. Имя не разглядела. Только начало сообщения:

«Ты ей сегодня скажешь?..»

Ей. Кому «ей»? Мне?

Я отвернулась к окну, будто ничего не заметила. Внутри неприятно заскребло, как будто кто-то провёл ногтем по стеклу.

Когда мы доехали до пункта назначения, Артур как-то быстро выскользнул из машины и что-то говорил тёте Маше. Я выползла из замкнутого пространства и потянулась, вдыхая свежий воздух и запах озера.

- На. – Артур кинул в меня мои вещи. – Сама справишься? – Да что с ним такое…

- Да. – Я закатила глаза и пошла собирать палатку, в которой проведу двое суток.

Промучившись минут сорок, палатка была собрана, и я перенесла в нее вещи. Артур лишь проходил мимо и молча смотрел на мои мучения.

Не понимаю, что такое с ним… Вообще у нас уже как-то было такое молчание и оно не привело ни к чему хорошему, в 16 лет Артур признался мне в любви, но я посчитала это детской влюбленностью, поэтому отшутилась, сейчас же это молчание напомнило мне тот день.

Я вспомнила тот день так ясно, будто он был вчера.

Апрель, гаражи за нашим домом, лужи после дождя. Ар-

тур тогда неделю ходил вот такой же: молчал, огрызался, сбегал с уроков без меня. А потом поймал меня у подъезда, засунул руки в карманы куртки и, глядя куда-то мне за плечо, сказал: «Ритка, ты мне нравишься. Не как друг. Вообще не как друг». Голос у него сорвался на последнем слове, и он покраснел до самых ушей.

А я рассмеялась. Не со зла, честно. Просто испугалась. шестнадцать, и единственное, что я знала про любовь, – это сериалы и мамины слёзы на кухне после развода. Я хлопнула его по плечу и сказала: «Арт, это у тебя гормоны. Пройдёт». И он улыбнулся. Кивнул. «Да, наверное, пройдёт».

Две недели мы не разговаривали. А потом он как ни в чём не бывало кинул мне в окно шишку и позвал на крышу смотреть салют. И мы больше никогда об этом не вспоминали.

Я думала, что прошло. Я была в этом уверена.

Я села на пороге палатки и посмотрела на него. Артур колол дрова у кострища. Футболка прилипла к спине, на скулах ходили желваки, и каждый удар топора был сильнее, чем нужно. Как будто он не полено рубил, а что-то внутри себя.

- Ритуся, иди помоги мне с салатами! – Крикнула тётя Маша из-под навеса.

Я поднялась, отряхнула шорты и пошла к ней. Она протянула мне нож и огурцы, а сама, нарезая помидоры, то и дело поглядывала то на меня, то на сына. Вздыхала. Опять поглядывала.

- Тёть Маш, ну хоть вы скажите. Я что-то сделала?

- Ты? – Она удивлённо подняла брови, а потом как-то грустно улыбнулась. – Нет, солнышко. Ты ничего не сделала. В том-то и дело.

Я хотела спросить, что это значит, но она уже отвернулась и громко позвала Артура тащить казан.

Вечером тетя Маша достала из автомобильного холодильника торт и поставила в него свечки.

- Ритуся, загадывай желание! – Она поднесла ко мне торт с горящими свечами.

Я долго думала над желанием, но в голову пришло только: «хочу выйти замуж». Я дунула на свечки, и они рядочком потухли друг за другом.

- Что ж ты загадала? – Артур посмотрел в сторону озера.

- Не скажу, иначе не сбудется.

- Какая глупая. – Артур встал из-за стола и пошел к берегу.

Эти слова ударили так больно, что хотелось кинуть торт ему в лицо или расплакаться, но я ничего не сделала.

- Рит, не обижайся на него. Он сегодня правда не в духе. – Тетя Маша защищала сына.

- Все в порядке, правда. Теть Маш, а как вы думаете, мама бы поехала с нами? – Я поджала губы и ковырялась в тарелке.

- Милая. – Тетя Маша подошла сзади и обняла за плечи. – Конечно поехала бы, она еще встанет на ноги, вот увидишь. – Мама уже три месяца лежит в больнице, в коме, и врачи говорят, что шансов почти нет. – Когда ты ходила к ней?

- Вчера, все также, никаких продвижений, врачи пожимают плечами.

- Хочешь, поживи у нас? А то совсем одна сидишь.

- Да ну, я уже привыкла одна, тем более с Артуром что-то опять не то. – Я посмотрела на парня, который бродил по берегу озера и пинал ногами песок.

- Ох, Ритуся, вы же взрослеете, все меняется, вот и Артур… В прочем он сам скажет. – О, нет. Значит я была права.

Глава 2

Посидев еще минут сорок, я решила прогуляться по берегу и послушать музыку. Все же Артур… неужели у него так и не прошли чувства? Если он признается, то как реагировать на этот раз? Опять отшутиться или утопиться в озере. Может утопить его? Мы столько лет дружим, почему он хочет все сломать, ведь прекрасно понимает, что ни о какой любви не может идти речь, потому что он ураган, который не умеет сдерживаться, а я не этого хочу от парня, я хочу спокойствия, хочу, чтобы меня любили и ценили, а не жить в эмоциональных качелях. Нет, я раньше думала об Артуре, но он совершенно не подходит под мой идеал мужа, хотя с ним я всегда открытая, могу наорать или тупо пошутить, и он не отчитает меня, все стоп. Нет.

Я ходила по берегу туда-сюда, видела, как наш лагерь загорелся фонарями, как тетя Маша лежала на шезлонге и кажется медитировала, а вот Артур надвигался ко мне действительно как ураган.

Я остановилась и смотрела на него, ждала, когда он дойдет до меня и что скажет.

Я вытащила один наушник. В нём всё ещё играла какая-то грустная песня, и я подумала, что это нечестно. Даже плейлист был против меня.

Артур остановился в шаге от меня. Так близко, что я чув-

ствовала запах дыма от костра на его футболке. Он тяжело дышал, будто бежал от самого лагеря, хотя шёл обычным шагом. Просто очень быстрым.

Ветер с озера толкнул меня в спину, и я обхватила себя руками. Артур машинально шагнул ближе, будто хотел закрыть меня от ветра, но тут же остановился. Сжал кулаки. Разжал.

- Рит, только не смейся. Ладно? – Голос у него стал тихим и совсем не ураганным. – Один раз ты уже посмеялась. Второй раз я не переживу. Серьёзно.

У меня внутри всё сжалось. Я вспомнила гаражи, лужи, его красные уши и своё дурацкое «пройдёт». Тогда я сломала ему что-то, а он сделал вид, что ничего не случилось. И сделал это ради меня.

- Не буду. – Прошептала я.

Он кивнул. Посмотрел на воду, на фонари лагеря, на тётю Машу, которая так и лежала на шезлонге, хотя, кажется, уже совсем не медитировала. А потом снова на меня.

- Не прошло. – Сказал он. – Я думал, пройдёт. Ты же сказала, что пройдёт. Я честно ждал два года. А сегодня утром проснулся и понял, что тебе восемнадцать, ты скоро поступишь, уедешь, встретишь какого-нибудь правильного парня в рубашке. И я буду стоять на твоей свадьбе и улыбаться. Шишкой в него кину, может быть.

Я фыркнула. Нечаянно. Он криво улыбнулся.

- Я знаю, что ты думаешь. – Продолжил он. – Что я псих.

Что со мной одни качели. Что я ору, хлопаю дверьми, лезу в драки и сначала делаю, а потом думаю. Всё так. Я не буду врать, что завтра стану другим.

Он сделал паузу, и я услышала, как плещется вода у наших ног.

- Но я восемь лет знаю, какой ты пьёшь чай. Что ты боишься грозы и врёшь, что не боишься. Что когда тебе плохо, ты не плачешь, а начинаешь убираться. Что ты ненавидишь, когда тебя жалеют, но любишь, когда просто молча садятся рядом. – Он сглотнул.

Я не знала, что ответить. Все мои правильные мысли про идеал мужа, про спокойствие и про ураган вдруг рассыпались, как песчаный замок, который накрыла волна. Я стояла и смотрела на человека, на которого могла наорать, при котором могла реветь, смеяться с соплями и не бояться выглядеть глупо. Человека, при котором мне никогда не надо было притворяться.

Может, это и есть спокойствие? Не когда вокруг тихо, а когда внутри?

«Все, стоп». – сказала я себе. Но в этот раз не сработало.

- Я… – начала я и замолчала.

Секунда. Две. Пять.

Артур медленно выдохнул, и в его глазах что-то дрогнуло. Не боль. Надежда, которую он боялся себе позволить.

- Ты не можешь это сказать. – Произнёс он. Это был не вопрос.

- Заткнись. – Выдавила я, и голос у меня позорно сорвался. – Просто заткнись, Арт. Ты сам только что сказал, почему я не с тобой, ты сносишь все около себя, ты создаешь проблемы, а мне этого не надо. – Я попыталась взять Артура за руку, но он отошел от меня. – Я не хочу терять тебя и нашу дружбу, прошу тебя, давай сохраним все так, как сейчас. – Мои глаза заполнились слезами.

- Раз так, ищи себе идеальную картинку, давай. Попытайся быть счастливой в своем спокойном мире, только я вижу, какая ты. Неужели ради тупой красивой семьи ты готова прятаться? Ради меня тебе не нужно меняться! Я люблю тебя такой Рита, с шестнадцати лет.

- Артур… У меня есть парень. – Я соврала, а слезы покатились по щекам.

- Не плачь. Просто тогда нам лучше прервать нашу дружбу, я не смогу смотреть, как ты с другим строишь из себя милую и тихую. Создавай свой мир без меня, хоть замуж за него выйди, плевать. – Артур развернулся и начал уходить от меня.

- Ну и выйду, а ты будешь смотреть, как я счастлива! – Я рыдала и кричала ему в след.

Артур не обернулся. Ни разу. Он шёл к лагерю, загребая ногами песок, и с каждым его шагом мне становилось всё труднее дышать. Как будто он уносил с собой весь воздух над озером.

Я так и стояла у воды, пока его фигура не растворилась

в жёлтом свете фонарей. Потом ноги сами подогнулись, и я села прямо на мокрый песок. Наушник болтался на проводе, из него всё ещё тихо играла та самая грустная песня. Я выдернула провод из телефона так резко, что чуть не сломала разъём.

«У меня есть парень».

Какой парень, Рита? Ты за последний год была на одном свидании, с Денисом с курсов, и сбежала через сорок минут, потому что он три раза поправил, как ты держишь вилку. А вечером пришла к Артуру на крышу и полчаса передразнивала этого Дениса, пока Артур не начал икать от смеха.

Я уткнулась лбом в колени и заревела по-настоящему. Некрасиво, с всхлипами, как в детстве.

Песок рядом зашуршал. Я не подняла головы. Но по запаху: крем для рук с ромашкой и немного шашлычного дыма.

Тётя Маша молча накинула мне на плечи плед. Тот самый, который она днём забыла в машине. Села рядом, кряхтя, и обняла меня за плечи. Ничего не спрашивала. Просто сидела и гладила меня по спине, как тогда, в больнице.

- Вы всё слышали? – Прохрипела я наконец.

- Солнышко, на этом озере только глухие лягушки не слышали. – Она вздохнула. – Парень, значит?

Я всхлипнула ещё громче.

- Нет у меня никакого парня.

- Знаю. – Тётя Маша поцеловала меня в макушку. – И он знает. Он просто сейчас слишком злой, чтобы думать.

- Он сказал, что нам надо прервать дружбу.

- Он много чего говорит. В пять лет он сказал мне, что уходит жить к соседской собаке, потому что я не купила ему машинку. Собрал рюкзак. Дошёл до конуры, посидел там час и вернулся ужинать. – Она помолчала. – Ритуся, я тебе одно скажу и больше лезть не буду. Ладно?

Я кивнула в плед.

- Тихая жизнь не та, где никто не кричит. Тихая жизнь та, где тебе не страшно быть собой. У меня с отцом Артура было очень тихо. Двенадцать лет. Он ни разу не повысил на меня голос. И ни разу не спросил, как у меня дела. – Она грустно улыбнулась и поднялась, отряхивая песок с колен. – Пойдём, замёрзнешь. Утро вечера мудренее.

Глава 3

Прошла неделя.

Я перемыла в квартире всё. Окна, полку в ванной, люстру, на которую мама не залезала года три. Разобрала шкаф и отдала на благотворительность пакет одежды, половину которой мне, кстати, было жалко.

Шишки в окно больше не стучали. Я ловила себя на том, что по вечерам прислушиваюсь, глупо. Но восемь лет – это привычка, а от привычек не отвыкаешь за неделю.

Окно Артура на четвёртом этаже горело допоздна. Пару раз я видела его во дворе: он возился со своим старым мопедом или сидел с пацанами на лавке у гаражей. Один раз мы столкнулись у подъезда нос к носу. Я открыла рот, чтобы сказать «привет», а он просто придержал мне дверь, кивнул, как соседке, и ушёл. Как соседке. Меня потом весь вечер трясло.

Тётя Маша звонила каждый день. Про Артура не говорила ни слова, что было на неё совершенно не похоже, и от этого становилось только хуже.

С Кириллом я познакомилась в четверг, в книжном на Ленина.

Я стояла у полки с классикой и тянулась за «Мастером и Маргаритой» на самом верху. Не доставала сантиметров десять. Встала на цыпочки, подпрыгнула, чуть не уронила

на себя Достоевского. И тут кто-то спокойно снял книгу с полки и протянул мне.

- Хорошее издание. Только там комментарии в конце скучноватые, лучше их пропускать.

Высокий, темные волосы аккуратно зачёсаны назад. Очки в тонкой оправе. И голубая рубашка, выглаженная так, что на рукавах были стрелки.

Рубашка. Я чуть не рассмеялась вслух. «Встретишь какого-нибудь правильного парня в рубашке». Ну спасибо, Артур. Накаркал.

- Спасибо. – Я забрала книгу. – А вы что, все комментарии в ней прочитали?

- Дважды. – Он улыбнулся немного смущённо. – Я на филфаке, третий курс. Это профессиональная деформация. Кирилл.

- Рита.

Мы проговорили у кассы минут двадцать, потом он предложил выпить кофе в кафе напротив, а я, сама не знаю почему, согласилась. Может, потому что впервые за неделю мне не хотелось ничего мыть.

Кирилл был… правильным. Другого слова я подобрать не могла. Он отодвинул мне стул. Спросил, какой я хочу кофе, и не стал спорить, когда я взяла какао с маршмеллоу. Рассказывал про Булгакова, про то, как летом работал волонтёром в музее, про младшую сестру, которой помогает с математикой. Когда я говорила, он не перебивал и смотрел в глаза.

Когда я рассказала, что собираюсь поступать на дизайн, он не усмехнулся, а спросил, что мне нравится рисовать.

Никто, кроме Артура, раньше этого не спрашивал.

Я тут же разозлилась на себя за эту мысль и заказала ещё какао.

В пятницу мы гуляли в парке. В субботу ходили в кино, и он ни разу не достал телефон за весь фильм. В воскресенье он принёс мне маленький букет ромашек. Не розы, не тюльпаны, а ромашки.

Всё было тихо. Спокойно. Ровно. Именно так, как я всегда хотела.

Тогда почему каждый раз, когда Кирилл аккуратно и вежливо смеялся над моими шутками, мне хотелось, чтобы кто-нибудь заржал так, что зазвенят стёкла?

В воскресенье вечером Кирилл проводил меня до дома. Был тёплый вечер, во дворе пахло липой и чьими-то жареными котлетами. Мы шли медленно, он нёс мой пакет с книгами и рассказывал что-то про Серебряный век, а я кивала и не слышала ни слова, потому что у подъезда, на нашей лавке, сидел Артур.

Он был в своей вечной чёрной футболке, руки в машинном масле, рядом на асфальте валялся гаечный ключ. Видимо, опять чинил мопед и присел передохнуть. Увидел нас и замер, не донеся до рта бутылку с водой.

Я тоже замерла. Кирилл по инерции сделал ещё шаг и обернулся.

- Рит? Всё в порядке?

- Да. – Голос предательски дрогнул. – Да, всё отлично.

Артур медленно поставил бутылку на лавку. Посмотрел на Кирилла. На его рубашку. На ромашки у меня в руке. На пакет с книгами. А потом на меня. И в его глазах было что-то такое, от чего мне захотелось провалиться под асфальт.

Он не разозлился. Не вскочил, не хлопнул дверью, не сказал ничего грубого, как я, если честно, ждала. Ураган сидел на лавке очень тихо.

- Привет. – Сказал он ровно.

- Привет. – Ответила я.

Кирилл вежливо улыбнулся и протянул ему руку.

- Кирилл. Вы сосед Риты?

Артур посмотрел на свою ладонь в масле, потом на чистую руку Кирилла. Хмыкнул.

- Испачкаю. – Сказал он и не пожал. – Да. Сосед.

Сосед. Восемь лет, шишки, гаражи, крыша, салюты, браслет из ниток. От этого слова у меня встал ком в горле.

Он встал, подобрал гаечный ключ и пошёл к гаражам. Проходя мимо меня, на секунду остановился. Так близко, что я почувствовала запах бензина и чего-то родного, от чего защипало в носу, а глаза покрылись красной пленкой, но я лишь натянула улыбку, и не дала слезам пойти.

- Рубашка, кстати, отличная. – Тихо сказал он, не глядя на меня. – Всё как ты хотела, Рит. Поздравляю.

И ушёл.

На его запястье всё ещё был браслет из ниток. Тот самый. Он его так и не снял.

- Странный он какой-то. – Мягко сказал Кирилл, глядя ему вслед. – Вы поссорились?

Я смотрела, как Артур заворачивает за угол и сжала ромашки так, что стебли хрустнули.

- Нет. – Сказала я. – Мы просто больше не дружим.

И впервые за неделю поняла, что вру не Кириллу. А себе.